

PC
0-66

I 575926

СЕРГЕЙ
Орлов

ДШИ

PC

0-66

I 575926

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

ДНИ
СТИХИ

Советский писатель Москва 1966 Ленинград

7-4-2
198-66

* * *

Дни стали вдруг похожи на пластинки,
А может, на картинки переводные, —
В них много охры, сурика и синьки,
Они тонки, с листом бумаги сходные.

Они слетают красочные, яркие,
Пустынные, земные и небесные,
Увенчанные зорями, как арками,
Пронизанные птицами и песнями.

И я гляжу на них с веселой грустью,
И я гляжу на них, себя жалея,
На тонкие, на легкие, на хрусткие
Дни солнечно летящего апреля.

* * *

Куда уходят годы? Ну куда?
Стекают, как в резервуар вода?
Уходят, как на переплав руда?
Куда уходят годы, ну куда?
Куда ушел вот тот, такой уж год,
Который долго ждали наперед,
С таким терпеньем, как никто не ждет, —
Аж пуп трещал; а где теперь тот год?
Куда девался год — и не найти, —
Который мы смогли перенести —
Едва-едва несли, хрипя, кляня. . .
Теперь ни камня от него, ни дня.
Наверно, где-то копятся года,
Как под землею копится руда,
Или как шлак, сгоревший навсегда,
Иль в небеса восходят, как вода, —
Восходят паром, дымом, а потом
Плывут над миром, словно облака
Прекрасные, все в золоте бока,
Воздушные, как музыка райка,
И мир на них глядит с открытым ртом.

* * *

Я стану облаком, зарей,
Щепоткою песка и глины,
Травинок на ветру игрой,
Сверкающим каскадом льдинок.
Что в мире через тыщу лет
Изменится, вы мне скажите?
Иначе станет литься свет
Небес на крыши новых жилиществ?
Ослабнет соль в морях и синь?
Вино изменится в стакане?
Иною стынь и жар пустынь
Иным и незнакомым станет?
Иль предок мой, кентавр степной,
Не те же звезды видел в реках,
И шмель над ним кружился в зной
Иной, из каменного века?
И женщина иной была?
И женщина иною будет?
Нет! И все той же будет мгла,
В которую уходят люди.

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения,
Сущего в то время на земли,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля — надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четверорогие, —
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатою тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнание, за Полярный круг,
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,

Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь,
Пал снег, как белое безмолвие.
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою. . .
. . .Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины. . .

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сирин в уши там поет. . .
И тревожно мне донельзя стало.

Птица Сирин в уши там поет
Голосом далеких и любимых. . .
Посреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сирин в уши там поет
Голосом далеких и любимых. . .
На пять тысяч верст зеленый лед,
Солнца шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сирин в уши там поет
Голосом далеких и любимых. . .
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыми.

Птица Сирин в уши там поет. . .
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сирин встала на дороге.

* * *

А кто такой Бартоломей Диас?
Что слышали вы нынче о Диасе?
И почему Диас дошел до нас,
Чем он прославился, вопрос неясен.
Он Африку когда-то обогнул,
Впервые обогнул ее по морю.
Сто раз тонул, но гнул ее и гнул,
И обогнул, навек войдя в историю.
А кто такой Бартоломей Диас?
Я спрашивал, мне люди не ответили.
Одни сказали — он испанец, раз
Фамилия Диас.
Да, тьма на свете их.
Другие заявили — футболист.
Зачем тебе он? — вопрошали третьи.
Плыл в пене волн и солнц зеленый мыс,
Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетии,
Жгла соль огнем бессонные глаза.
Как мир велик! — ни тронов в нем,
ни клира.
Под килем и над мачтами гроза,
И солнце прогибает крышу мира.
А в стольном Лиссабоне день за днем
В порту взлетали флаги на флагштоках,

Гремели сходни, но никто о нем
Не вспоминал, не знал о нем, и только
Шальная девка, все забыв с тоски,
Обласканная как-то ненароком,
Не забывала жарких две руки
И знала, кто такой Диас, до срока.
А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкан,
И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

.

Прошли века, сегодня мир гремит.
От маршей тесно рациям в эфире.
Волна восторга в радугах звенит,
Неслыханное совершилось в мире.
Мир шире стал, чем был, для всех для нас.
.. .А кто такой Бартоломей Диас?

* * *

Начало лета,
Как начало лет,
Где любят женщину
И ценят друга.
Где да — есть да,
Где нет — уж точно — нет.
И мир очерчен,
Но не замкнут кругом.
Начало лета. . .
Зной еще не зной,
Листва упруга, говорливы травы,
Виски не облепило сединой,
И воздух полон ожиданьем славы.
. . . Как замирают зубчики резной
Ромашки и пугливой маргаритки.
С размаху ливни, вставшие стеной,
Ко мне идут, стремительны и зыбки.
Я верю в парус и люблю весло,
И утром, на окраине рассвета,
Куда меня неожиданно занесло,
Ломаю хлеб, благословляя лето.
Ах, птицы с веток, небеса в дыму,
Сирень на камне, хруст песка у плеса,
И занавески белые в дому,

Летающие вослед разноголосо.
Мир полон превращений и чудес,
В нем хмель вина, соль медленных
раздумий,
Пир за полночь, дорог далеких вес,
Оазисы мои и каракумы,
Моя обетованная земля,
Улыбка женщины, рукопожатье друга,
Моей охоты трудные поля
Лежат за рощей моего досуга.
Успех дешевый я отверг давно,
Смешны мне резвых мальчиков забавы
И с ними беспокойство заодно
Тупых, самодовольных, величавых.
Начало лета,
Крыл невидных свист.
День, словно подвиг, и высок и звонок.
Как тоненько подрагивает лист,
Промытый ливнем, огненного клена.
Наверно, собирается жара:
Край радуги в столбах аквамарина.
Ах, как утешна зайчиков игра —
Всегдашний тьмы и света поединок.

* * *

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей?
Как жгут мосты саперы,
Настилы руша с высоты
И за рекой оставив город.
Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпили колоколен,
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад.
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.
Ты в жизни жег хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет, —
Мосты саперы возведут
И город вновь в их лица глянет.
А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

* * *

Давно всему известно свету,
И это не его вина, —
Непогрешимых истин нету.
Но, может быть, права одна:

Стирает время в пыль державы,
И гордая стареет новь,
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым.
И лишь любовь

Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна, гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

СОЛЬВЕЙГ

Ты по утрам в горах на лыжах бегаешь.
Зима в горах, как новая планета.
И горы синие, от солнца пегие,
К тебе сбежались, в белый снег одеты.
Ты бьешь по солнцу прутиком бамбука,
Твои глаза — два радостные неба,
Они смеются в этот час без звука,
И вся ты — солнца, гор и снега слепок.
Деревья смотрят, поднимая кроны, —
Какая длинноногая явилась!
Им, одиноким и вечнозеленым,
Ты так понятна, как в лесу родилась.
А ты сбежала в горы к ним впервые,
Сама того не зная, что отныне
Всю жизнь с тобой вершины снеговые
Всё будут мчаться, белые на синем.
А наст звенит. По насту, как по озеру,
Летят удары лыж, колец и ветра.
Сиреневые, алые и розовые,
Прносятся по насту звуки света.
Все свет: и эти камни в жарком инее,
И горы, и меж них долины, лежа
Сверкающие, летние и зимние.

Все свет, и ты его явленье тоже.
Глаза твои лучатся, небо пряча,
Ты розовой ладошкой ветер рубишь...
И все на свете ничего не значит
Без них, без этой занебесной глуби.

* * *

У ракетной переправы
На бетонном берегу
Ни налево, ни направо
Оглянуться не могу.

Все смотрю на купол синий
С кромкой леса на краю,
На земле моей России
Заглядевшись в даль свою.

Крыльями зари касаясь,
Серебрится самолет.
Улетаю не прощаясь,
Не отметив стопкой взлет.

Позабыв про телефоны
И про серые глаза,
Не печальный, не влюбленный, —
Сам не знаю, как сказать.

Улетаю, улетаю. . .
Тает талая заря.
Все, что было, — сам считаю, —
Это было просто зря.

Люк захлопнут, трап откатят,
Щелкнут пряжками ремни,
Гром накатит и подхватит
За стеклом земли огни.

И пройдет на шпильках острых,
Длиннонога, не стуча,
Всем улыбчива по ГОСТу,
Стюардесса у плеча.

* * *

Я снова вспомнил почему-то
Далекий госпиталь в войну,
Где я лежал немало суток,
И санитарку в нем одну.

Тупой бессонницей измаян,
Я морфий у нее просил,
Кричал, что доза небольшая,
Ругался матом и грозил.

Но, зная, меня жалея очень,
Девчонка прикрывала свет
И на мои угрозы ночью
В ответ твердила только — нет.

Я позабыл, какие песни
Она мне пела у виска,
И как мои писала письма —
Не вспомнить мне наверняка.

Но помню, как с неженской силой,
От оскорблений всех бледна,
«Нет, морфия не дам», — твердила,
И помню также, как она

На перевязку вывозила,
Катала бинт, как снежный ком,
И вдруг его срывала с силой,
Безжалостно, одним рывком.

Она жалела, уважала
Меня, солдата, мужика,
И потому бинты срывала
Не дрогнув добрая рука.

А ты все медлишь. . .

* * *

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходим
Травы, кувшинок, тростника.
Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь, —
Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.
Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.
Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.
Молить напрасно, звать напрасно,
Бежать за ней — напрасный труд. . .
Уходит — и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

* * *

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись,
И людям все казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хохотала в упоеньи
Так, как она всегда любила.

И все вокруг переменялось,
Все стало праздничней и ярче,
Все сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь такая малость —
Катилось, звоном озаряло,
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

ГЛАЗА

В них не проплывают облака,
Птицы в них не пролетают стаей.
Но летит дорога далека,
Неизменно в грусть перерастая.
Не смотрю, не думаю, молчу,
Забывать старательно стараюсь
И по ней стремительно лечу,
Все лечу, не достигая края.
А куда несет она, куда?
Что там, в этих всплесках тьмы и света?
Сквозь года, в года, через года
Нету ни ответа, ни привета.
В грохоте ракетных переправ,
В реве dalej железобетонных
Тише тихих полуночных трав
Сердце бьется — грозно, озаренно.
Может, шар земной пересеку
По широтам весь и по долготам,
А дорогу эту не смогу
Ни на шаг пройти, ни на иоту.
Зыблются, синяя, небеса,
Тень ресниц скользя идет по склону,
И глядят, глядят на мир глаза
Сожалея, грустно, отчужденно.

В них не проплывают облака,
Нет ни птиц, ни парусов,
Сквозная
Вдаль летит дорога далека —
Ни конца ни края ей не знаю...

В АВТОБУСЕ

Косматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя — огнепоклонница,
Язычница из-под венца.
Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белен!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.
Летят дюралевые капли
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливнь реактивного дождя?
Но вальсы, вальсы, только вальсы,
Кружа, в динамике дрожат.
Белеют на баранке пальцы,
Темнеет у шофера взгляд.
Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.
Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна.

И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре,
Щитами заслепясь в лучах.
Мосты над реками толпятся,
В бензинном дыме провода. . .
И ничего не может статься
С весной и Русью никогда.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1

По всем морям, материкам и кручам
Истории грохочет колесо —
С тяжелым хрястом, с яростью могучей —
От прадедов к сынам стезей отцов.

А я брожу по странам, где давно
Все по местам расставлено, по полкам,
Оценено, в реестры внесено,
И новых не предвидится осколков.

Здесь позабыли все про колесо.
Гигантский обод на незримых спицах
Ничто не крутит. Времени лицо
Бесстрашием и скукою томится.

И колесо колышется, скрипя,
Само собой не трогаясь ни с места...
Спят в громе города, музеи спят,
Европа с сигареткой дремлет в креслах.

Что ей еще? Европа кофе пьет,
Все позади — чума и баррикады,
Концлагери, вожди, война, народ,
Грядущее... Ей ничего не надо.

Немнувшийся терленковый пиджак,
Дымок над хрупкой чашечкою гнется,
И в рюмке, как янтарь, дрожит коньяк...
...Что будет, если колесо качнется?!

2

По случаю побед на той войне
Читают лекции пенсионеры.
Воспоминая, словно символ веры,
Витают и восходят в тишине.

А за углом мальчишки пляшут твист.
Транзисторы на шеях, как планшеты.
Мир ходуном кидает вверх и вниз,
И места в нем для героизма нету.

Кому какое дело до войны,
Которая была до них когда-то.
Ракеты на весь свет наведены,
И врут о вечном мире дипломаты.

Мальчишки за углом танцуют твист,
Трассируют на камни сигареты.
Согни колени, вскинься, наклонись —
Качается, как тамбур, вся планета.

А памятники в розовом дыму
Плывут среди каштанов, как виденья, —
Подобных никогда и никому
Не будут ставить в новых поколениях.

Воспоминаний пенсионный свет
Не оживит легенд в забытом храме.
Свистят подошвы узкие штиблет,
И холодно в жару под свитерами.

* * *

В огне холодном, плещущем до крыш,
Как накануне преставленья света,
Гремел Париж, плясал и пел Париж,
Париж туристов всей Земли-планеты.
Катились волны стали и стекла,
Мела метель слепящего нейлона,
Бензинного и женского тепла,
За двадцать франков переоцененных.
Но я стоял не перед ней, застыв, —
Я увидал, как в огненном прибое
На улице, в толпе, глаза закрыв,
Забыв про город, целовались двое.
Как будто бы в лесу, к плечу плечо,
Они вдвоем — и холодок по коже.
Стыдливо, неумело, горячо. . .
Влюбленные на всей земле похожи.
Здесь, среди камня, стали и стекла,
В твой час, Париж, поэтами воспетый,
Меня на Монпарнасе обожгла
Травинка человеческого света.
Ничем не истребимая дотла,
Как в тьме кромешной маленькая вежа,
Она, колеблясь, тонкая, цвела
Под грозным небом атомного века.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Я повстречался с ним в Париже —
В Париже с русским, с земляком,
С потрепанным, притихшим рыжим
Моим врагом к лицу лицом.

Его случайно не добили
В котле в Курляндии еще.
На пляс Пигаль из водной пыли
Он вынырнул, блестя плащом.

Он появился вдруг, как будто
Из тьмы и праха плотью стал,
Едва по брюкам пресловутым
И папиросам нас узнал.

Щербатый рот в улыбке ширя,
Он злость смирил не без труда:
«Ну, как у нас, в свободном мире,
Вам приглянулось, господа?»

Ну что ж, мы были господами
Пред ним, а он и здесь чужим,
Париж дружил не с ним, а с нами,
И мы заговорили с ним.

«Валяй, — беззлобно мы сказали, —
Выкладывай, чем ты богат!»
За нами города вставали —
Москва вставала, Ленинград. . .

России зори на полсвета,
Ее и завтра, и вчера.
За ним — лишь, глядя на ночь, где-то
За тридцать франков конура.

Мела на пляс Пигаль свобода
Нейлоном юбок камень плит. . .
Нет, он не лез без брода в воду
И был отнюдь не лыком шит.

Огней кричащую рекламу
Он не призвал на помощь в спор,
А, так сказать, с высот Нотр-Дама
Вести пытался разговор.

Он взвыл: «У вас с искусством плохо,
Зашла поэзия в тупик,
Я за Есенина, за Блока,
За их божественный язык! . . .»

Слова выплевывая люто,
Спешил он, словно встрече рад,
И я услышал в ту минуту,
Как бьет немецкий автомат.

В Курляндии, в сорок четвертом,
Он бьет, страшась сдаваться в плен,

К стене припертый, в злобе мертвой...
Но здесь Париж шумел у стен.

И мы сказали: «Что ж, неплохо,
Твоя хула для нас — хвала.
Но ты Есенина и Блока
Не тронь, а то сгоришь дотла».

...Все это было б эпизодом
Без обобщенья, но не раз
Встречался я за эти годы
С прищуром лютым мертвых глаз.

И я стихи с моим заданьем
В бой вывожу — не на парад,
И нету сосуществованья
На фронте, там, где я солдат.

Идет поэзии пехота,
В пыли и глине горяча,
Но если хвалит враг кого-то,
Я не спешу рубить плеча
И утверждать, что это плохо.

Я помню, выверяя шаг,
Как за Есенина, за Блока
В Париже мой хватался враг!..

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства.
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий.
Есть стюардесса в цвете лет.
Есть аэрон, бетон, динамик,
Оружий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Громами
Ночь потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник,
Над пластиковым столом
И чашечкой «эспрессо» бледным,
В часу неведомо каком,
В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:
Березы, ледники и пальмы, —
Что хочешь ты еще сказать?

И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.
А синие глаза пустыни,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы,
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленой солью моря,
Пить спирт из фляги у костра
И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаясь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен ночи мрак и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога зыбкая и грусть,
Которую понять не просто,
Но есть которая, как груз.
А в чем она — не скажешь сразу:

В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запряган страх?
А может быть, все это вкупе
Заклучено в том и другом?
Забудут, не наймут, не купят
Или поверят, но с трудом?
Гремят, ликуют и хохочут,
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Юрию Быкову

Республика на страх своим врагам
Воздвигла гильотину, словно вече.
Всем королевским шлюхам и чинам
Рубили с маху голову по плечи —
Тем, кто кричал: «Да здравствует король!»,
Служил иль просто числился по спискам.
Свобода — отзыв, трибунал — пароль.
Всем поровну и хлеб, и обелиски.
Ах, Марианна, красен твой колпак,
Нежны и алы губы от рожденья.
Уже на свете ни один дурак
Не завопит о короле на Сене.
Но все-таки придется заплатить
Последний раз за Францию по счету.
Надета треуголка, он в пути,
Ведет поручик-корсиканец роту.
Есть равенство в стальном строю солдат,
А звезды так близки на эполетах,
И пушки высоко заговорят
В последний раз диктаторским фальцетом.
Но никому отныне не взбредет,
Что кто-то может солнцем быть, державой,
Отцом родным. Да здравствует народ!
На площадях, как девка, пляшет слава.

МОСТ ЧЕРЕЗ БЕН ХАИ

Пальмы и бамбуковые рощи,
И, жемчужный, теплый, без просвета,
Целый день идет февральский дождик—
Зимний дождь, как в Ленинграде летом.

Узловаты, высоки и гладки,
Краснозем корнями размесили
Фикусы такие ж, как в России,
Что стоят у нас по избам в кадкак.

Буйволы несут рога, как лиры,
Небо меж рогами полыхает.
Аисты разгуливают мирно
Над рекой медлительной Бен Хаи.

Наклонив конические ноны,
Рис сажают над рекой крестьяне,
Как штрихуют поле в цвет зеленый.
А поля — как зеркала в тумане.

За рекой Бен Хаи те же крыши,
Те же песни, аисты и пальмы,
И на спинах буйволов мальчишки
За рекой Бен Хаи цвета стали.

Как клинок, лежит река, сверкая, —
Ни волны над нею нет, ни всплеска, —
Землю на две части рассекая,
Рассекая пальмы, семьи, песни.

Над рекой Бен Хаи мост железный,
Только по нему никто не ходит,
Десять лет не ходят и не ездят
По нему ни при какой погоде.

Но в кругу друзей большом и тесном
Рыбаки на берегу у моря
Песню нам про этот мост железный
Пели, с грохотом прибоя споря.

Эту песню создавали руки,
Эту песню поднимали спины,
На вьетнамском Севере и Юге
Эта песня десять лет едина.

Песня шла гремя, не затихая,
С болью, с верой в то, что это будет,
Будет день, — пройдут по мосту люди
Над рекой медлительной Бен Хаи.

НА ЮБИЛЕЕ ТОКТОГУЛА

В цветы и лозунги одета,
Встречая музыкой гостей,
Страна великого поэта
Его справляла юбилей.

Он умер тихо в юрте бедной,
Когда в тридцатые года
Под гром динамиков победный
Пришла голодная беда.

И дом его, его могила —
Долина между гор и скал —
Теперь столы с вином накрыла
И угощала наповал.

Поэты славили поэта
За то, что страха он не знал,
Ни за какие блага света
Строки своей не предавал.

Его комуз — степная лира —
Царевой ссылкой и тюрьмой
Настроен против сильных мира
Был справедливостью самой.

Охотники и скотоводы
Спешили к ней издалека,
И с ними в памяти народа
Жила поэтова строка.

Пасла кудлатые отары,
Вершила суд, ткала ковры,
Шла в революцию и даром
Венчала свадьбы и пиры.

И вот с утра до поздней ночи,
Под меди звон и пенье струн,
О ней динамики грохочут
С эстрад, подмостков и трибун.

И мы, России стихотворцы,
И Украины, и Литвы,
Сидим, притихнув без притворства
Пред гулом славы и молвы.

А степь гремит, вздымая горны
Во имя наших братских уз...
И где-то в ней светло и горько
Звенит бесхитростный комуз...

Весна, а что она такое?
Летят сквозь дали журавли,
Летят сквозь дни деревья стоя,
И травы снова вверх пошли.
Все рушится, что было свято,
Незыблемо в снегах зимы,
В пару и дыме лиловатом,
В лохмотьях обветшалых тьмы.
Вот землю небом раскололи
Ручьи и реки на куски,
В оградах оживают кольца,
И на камнях встают ростки.
Творится новая планета
У всех бесстрашно на глазах
Из глины, воздуха и света,
В навозной жиже и цветах.
Дождей мгновенных колыханье,
Ветров свистящие столбы,
Громов далеких грохотанье
И придыхание трубы.
Из пепла, глины и навоза
Встает, рождается, чиста
Как ландыши и туберозы,
Неслыханная красота.

* * *

Девочки веселые, бедовые,
С поговорочкой: «Хоть час, да мой»,
Мне вас очень жалко, непутевые,
Черт-те что творящие с собой.
Девочки с прическами косматыми,
В туфельках на острых каблучках,
Бомбой искалеченные атомной, —
Не взорвавшейся, издалека.
Сколько и без взрыва искалечено
В некогда восторженных сердцах,
В пламенных, веселых и доверчивых,
В голубых неоновых ночах!
Даже души сильные и стойкие
Холодом ее знобит сейчас
Свист метели с той шкалы с настройкою,
Где горит, дрожа, зеленый глаз.
Мы иные, мы не слабонервные,
Только как вам, девочки, помочь,
Чтобы вы могли в себя уверовать,
Слабость и бездумье превозмочь?
Мне не легче, юности не помню я,
Только век за это не корю.
Ласковые и опустошенные,
Мне вас жаль, девчонки, говорю. . .

РАЗГОВОР С МАДОННОЙ

Мадонна с Петроградской
Сидит передо мной.
Высокий лоб прекрасный
И волосы копной.

Она глядит на вещи
В упор, как на торгу.
Коньяк с боржомом хлещет,
Как моряки в порту.

« . . Вы что-то там сказали? » —
Прищурились глаза.
Джаз в ресторанном зале
Грохочет, как гроза.

« . . Любви на свете нету,
Есть флирт и просто спорт —
Девчонки до рассвета
Целуются на спор. . . »

Живу со скушным мужем.
Есть сын, его люблю.
А муж — он только нужен,
Он терпит, я терплю. . . »

А каблучки, как льдинки,
Звенят, звенят, звенят. . .
А мужики с блондинки
Хмельной не сводят взгляд.

Горят ее коленки,
Бледно ее лицо.
От сигаретки лентой
Дымок кольцо в кольцо.

Плечам покатым жарко,
Они зимы белей. . .
А мне мадонну жалко,
И я не верю ей.

Не верю, но не спорю,
Поскольку слышу злость,
Слова летят с которой
На все, что в них сошлось.

Лет двадцать пять мадонне,
Она стройна, сильна,
До маленькой ладони
Вся как одна струна.

И ей, мадонне, скушно
От звона баккара.
И ей на службу нужно
Постылюю с утра.

Одна отрада — летом
На месяц ледоруб,

И на снегу рассветы,
И ветер лишь у губ.

Где в камень гор, как в стремя,
Становится ногой,
И ввысь хотя б на время
Она сама собой.

ОДА ДУРАКУ

Я не знаю, почему и как
Снова древним сквозняком подуло:
Эгоист — так, значит, не дурак,
Даже у него губа не дура.
Вновь звучит: «Ищите дураков!»
Только нет на дурака науки
Ныне, присно, испокон веков
И от дедов к сыновьям во внуки.
Дураков не сеют и не жнут,
Сами дураки на свет рождаются
И, как меря древняя и жмудь,
Начинаются и не кончаются.
Не перевелись и на Руси.
Есть. Живут. Она без них невысказана
Со своими верстами веси
И заоблачными всеми высями.
Славлю, прославляю дурака
Так, как сказка славилась и присказка.
Без него невысказаны века
Давние и будущие близкие.
Он бессмертной думою богат,
От нее до смерти не откажется,
Пусть при этом сам себе не рад
И порою свет с овчинку кажется.

Для него не пишется закон, —
Эту дурь из дурака не вышибешь.
Он — дурак, и лезет на рожон, —
Если б мог, то лез еще повыше бы.
Я и сам такой — из дураков,
Жизнь меня еще не переделала
И лупила зря со всех боков
Так, что я не видел света белого.
День встает. Дорога далека.
Кто ее без нас на свете высветлит?
Славлю, прославляю дурака —
Так, как сказка славил и присказка.

ОДНОМУ ЗНАКОМОМУ

Вы знаете, что правда,
Что — неправильно.
У вас на все имеются ответы.
Вам жить легко.

Вы праведно прославлены,
И ничего, что славят лишь газеты.
О вас начальство судит снисходительно,
С приятцей:

этот знает! Этот может!
И тем отличны вы от земножителей,
И тем на небожителя похожи.
А вам-то как?
Неужто в самом деле
Все нравится?
И все вам в мире ясно?
Не день встает для вас,
А понедельник.
И было воскресенье,
А не праздник.
Не мучат вас вопросы, на которые
Не ценятся, а судятся ответы.
Они вам не захлестывают горло,
Как петля, от которой спасу нету.
Все ясно было
только не Копернику!

КЛЮЧ

Все выше день. Идут на убыль,
Синея, тени от межи.
Поют берестяные трубы
Над голубым покоем ржи.
А меж корнями на поляне,
Раздвинув травы и цветы,
Вдруг небо из земли проглянет
Прохладой знобкой высоты.
Над ним раскрыта рамка сруба
Вчера, а может, век назад,
И терпкий свежий запах луба,
И смол янтарных звездопад.
Сквозь сито глины, камня, кварца,
Подрагивая, как кольцо
На счастье или как на царство,
Студеный ключ летит в лицо.
Лови сверкающие кольца
В ладони лунку на лету.
Прислушайся, как колокольцы
Звонят в тиши о пустоту.
Пьют воду, умывая лица,
В ладонях пробуя на вес,
Откусывая, словно птицы,
Студеный краешек небес.

Пьют воду, набирая силы,
И возвращаются к лугам,
К стогам, к светилу, к жару, к пылу,
Как будто в праздник к пирогам.

МОСТЫ РАЗВОДЯТСЯ

Мосты разводятся,
Расходятся,
Как будто горные пласты.
Стихии к небесам
Возводятся,
А не разводятся
Мосты.
Переломилась твердь
Железная,
Бетонная, стальная твердь,
И, верь не верь,
Встает над бездною,
Как будто открывают дверь
Заре в залив
От синей Ладоги
Лесам,
Пригоркам и лугам.
Мостов разломленные радуги
Разъединили берега.
Как будто руки великанские
Открыли запросто, шутя
Пути в просторы океанские,
В просторы солнца и дождя.
И звезды синие,

Зеленые
Несут на мачтах корабли,
Как знаки милые,
Дареные
Морей далеких и земли.
А на мосту в платочке аленьком
Девчонка-техник, стрекоза,
И рыжий сторож в старых валенках
Творят все эти чудеса.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Вы слышали про белые ночи? Слышали?
Как заря полыхает в гранитном канале,
Как мосты поднимают пролеты, как крылья,
И черемухи цветом, как снегом, обильны.
Разве белые ночи бывают? Бывают.
Город отдан влюбленным, нет в нем
равнодушных.
Что такое? Здесь белую ночь открывают!
Открывают, как бал? Нет, скорее как душу.
Рассказать вам, как это бывает,
Как и что происходит при этом?
Кто-то времени ход обрывает
И сближает закаты с рассветом.
Истончается мгла до предела,
Выявляется сущность пейзажа,
Ночь становится призрачно-белой
И слегка розовато даже,
В парк уходят трамваи поспешно,
Убирают с проспектов машины
И приветствуют юность и свежесть
У дворцов над Невою старинных.
Факела зажигают на рострах,
Гасят все фонари, и, как в храме,
Все возвышенно, чисто и просто

Говорить начинают стихами.
Вы не верите мне? Вы забыли
То, что некогда вас окрыляло,
Что когда-то влюбленными были,
Что поэзия вас озаряла.
Людам нравятся белые ночи.
Люди не перестали влюбляться,
И ночей этих праздничных почерк
Им в сердца продолжает стучаться.
Светом хлещет он в девичьи очи,
И героев в мальчишках он будит.
Людам нравятся белые ночи,
Люди черные ночи не любят!

* * *

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щеки. . .
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с опоки.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной.
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день, и в выходной.

Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье.
Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной,
Начиная мира сотворенье.

Шел бетон, вставляли корпуса,
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.

Это было все-таки со мной.
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой.

Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки...
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.

В БРЕСТЕ

Здесь первый шаг свой сделала война
В июне, в сорок первом, на рассвете.
Здесь нынче соловьи, и тишина
Струится в заводи с зеленых ветел.
Бетона глыбы разметал тротил,
Черны провалы старых казематов,
И прячутся ромашки меж могил
На кладбище, где спят одни солдаты.
Не все еще известны имена
Тех, кто стоял здесь насмерть в сорок
первом,
Тех, кто отдал ей честь свою и верность,
Когда еще спала вдали страна.
Но в небесах синеют здесь глаза
Солдат, взглянувших первыми на пламя.
Стирается во времени гроза
Квадратных крыльев с черными крестами,
Уходит взрывов дальняя волна
В историю на тихие страницы. . .
И над землей встают их имена —
Русоволосых, юных, круглолицых.
Не бронзою звенящею строкой
Встают они над крепостью старинной —
Раскатом соловьиным над рекой
И поездом, идущим до Берлина.

Не требуя ни славы, ни награды,
Все, что могли, свершили здесь солдаты.
Год сорок первый только ими свят,
Без них бы не настал и сорок пятый.
Я в Брест вхожу, как в сорок первый год.
Гремят о землю тяжкие удары,
И принимает комендантский взвод
На грудь свою железный натиск армий.
Он не был вероломством потрясен
И паникой внезапности охвачен,
Бесстрашно ждал минуты этой он, —
Как мог бы здесь он устоять иначе?
Без гимнастеров, с коек на траву,
Расставив прочно сошки пулеметов,
Залег он здесь, у крепости во рву,
Как на Берлин идущая пехота.
Год сорок первый, сорок смертный год,
Но в нем встает, здесь присягнув державе,
Не отступавший комендантский взвод
В крови, железе и бессмертной славе.
Встает он в соловьиной стороне,
В росе и травах молодых по пояс,
И слушает, как мчится в тишине
«Москва — Берлин», зеленый скорый поезд.

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.

Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что́ в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».

Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым-бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

* * *

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз,
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: напиши про нас!
Про то, как писем ждем,
Про то, как у сержанта
Жена в тылу с другим, не прячась,
не таясь...

Про то, как мы тоскуем.
Ты таланта
Не пожалей
И напиши про нас.
А я стихи писал, когда все спали.
Все про себя писал. Как тосковал я сам,
Как писем ждал,
Хотел, чтоб вспоминали,
Не забывали... Я отказывал друзьям.
Я говорил им, сонным и усталым:
Отстаньте, я пишу письмо домой...
Домой! И лица им улыбка озаряла —
Прости, пожалуйста, само собой...
Они валялись в сны свои на нары,
Коптилка замирала в тишине.
И я писал, за то им благодарный,
Что не мешали мне.

А ночь в громах ворочалась снаружи,
Стучала пулеметною строкой.
Я юным был, и было мне не нужно
Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

* * *

Через двадцать лет по всей державе
Снова песни старые поют,
В маршах, в залпах, в музыке и славе
К нам воспоминания идут.
. . . Не было ни маршей, ни речей,
Ни знамен, ни воинских парадов.
Был он — ослепивший свет очей —
День, в который ничего не надо.
Солнце было, были небеса,
Каторжная кончилась работа,
Та, что длилась будто без конца
И без роздыха четыре года.
И никто не вспоминал о ней,
Все мечтали только о грядущем —
В солнце ясном, в дождике идущем,
В рощах, в тишине, в игре теней.
Били в небо, гнали лошадей,
Плакали, на месте застывая. . .
Кончилась вторая мировая,
И никто не вспоминал о ней.

* * *

Мы для костров рубили топором
В землянках все, что было нашим бытом.
Разогревали масло над костром,
Настраивали рации открыто.
Чехлы срывали с пушечных стволов,
Делили водку, заводили танки,
А над землей в ту ночь огнем мело,
Ревело небо перед днем атаки.
И кто из нас тогда подумать мог,
Что вспомнят через два десятилетия
И эту ночь, и день, пришедший в срок,
И праздником страна его отметит.
Кто мог подумать и вообразить,
Что будут оды и статьи в газетах.
Минуты не было, чтоб покурить,
Не то чтобы еще мечтать при этом.
Дрожала из конца в конец земля,
День занимался над равниной белой,
Как трубы, грохотали дизеля,
Сталь на морозе колоколом пела.

* * *

Для тех, кому сегодня девятнадцать,
Война — доисторический этап.
И даже мы, по-честному признаться,
Все реже вспоминаем о фронтах.
Стираются во времени детали,
Из памяти уходят навсегда
Бомбежки и пылающие дали,
Берут свое идущие года.
Но день Победы словно был вчера лишь,
Я помню весь его до мелочей,
До той слезы, с которой мой товарищ
Не мог от солнца отвести очей.
И тишина на все земные травы
Легла такая в тот далекий час,
Как в наши дни она над всей державой
Восходит на рассвете каждый раз.
И мирные в ней зарождались звуки,
Как каждый день рождаются всегда, —
С рассвета заливаются пичуги,
Шумят цветы и плещется вода,
Звенят негромко солнечные спицы
И ветра синеватые шары.
Как будто день тот начался и длится
Без окончания в мире с той поры.

А что еще? Чем в душу так запал он,
Тот день, могу сказать для юных вас:
Над миром солнце в чистом небе встало,
Как каждый день встает оно сейчас.

* * *

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы,
Верил только в загады
И не верил в приметы.

Я пришел в сорок пятом
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

Думал, глянув на лето:
Жизнь еще впереди.
Все, что кончилось, — это
Уходя — уходи. . .

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы.
Пожилым, бородатым
Вспомнил дальнее лето.

Сосчитал и закаты,
Сосчитал и рассветы —
Позабыл про загады
И поверил в приметы.

Глянул в дальнее лето —
Защемило в груди. . .
Все, что кончилось, где ты?
Жизнь, постой, погоди! . .

РАССКАЗ СОЛДАТА

Мне вовек не забыть ту пору.
Был тогда я еще юнцом,
Но солдатом, нюхавшим порох,
Защищал над Невою город
И срывал блокады кольцо.
Разве вспомнишь все про блокаду?
Девятьсот ее дней горят,
Как скрижали мужества. Надо
Их читать со всем Ленинградом,
Я же был лишь его солдатом
В январе много лет назад.
... Был по ротам и батальонам
Нам зачитан приказ — и вот
Клич по фронту пошел поименный,
Ни в один устав не внесенный, —
Коммунисты идут вперед!
И пошли вперед коммунисты,
Честью этою дорожа,
Над землей огневой и мглистой
Первый в грудь принимая выстрел,
И качнулась земля, дрожа.
Дым окутал Воронью гору,
Грянул гром из тыщи стволов,
Взвыли танковые моторы,

И глядел легендарный город
На работу своих сынов.
На снегу, кипящем от стали,
Встал весь фронт как один солдат.
Как мы верили — день настанет!
Как мы часа этого ждали —
Знает только лишь Ленинград.
На прямую наводку пушки
На руках расчеты несли.
Водрузив на спину катушки,
Связь тянули связисты. Катюши
Били с ходу огнем ревушим,
Пулеметы землю мели.
Не какой-то отдельный гений
Этот день в штабах начертал,
А народ с великим терпеньем
Сам готовил его в сраженьях,
В непомерных своих лишениях
Сам победу эту ковал.
И теперь, когда жарким светом
Вновь горит салют на Неве,
Я-то знаю — над парашетом
Хоть одна да летит ракета
И за наш экипаж КВ.
Город празднует, веселится,
Золотой рассыпает дождь.
И наверное, за границей
Кой-кому при этом не спится,
Кто-то злобствует. Ну так что ж!
Было дело в сорок четвертом,
Нам не грех вспомнить о нем, —
Как мы доты сметали к черту,

Как завидовал немец мертвым
И с ума сходил под огнем.
Как на город сошла минута
Тишины победных годов
После дней тех блокадных лютых...
Как народ громыл салютом
Сам себе изо всех стволов.

СОЛДАТСКИЙ МАРШ

В этот день гремели марши, марши —
Громогласны, бравурны, легки.
Из Берлина воротились наши
Славой осененные полки.
Но не вспомнить всех гремевших песен,
Маршей всех в тот день победный наш.
В этом дне один далекий есть он —
Навсегда запавший в душу марш.
Смолкли трубы сводного оркестра
Громом перекатным по стране,
И возник не медный, не железный
Стук сапог солдатских в тишине.
Он катился по земному шару —
По лесам, по пашням, по траве. . .
Шли солдаты шагом, шагом, шагом,
Шли по Красной площади в Москве.
Шли без труб, без музыки, без грома,
Словно в чужедальной стороне.
Шли привычно, тяжело, знакомо,
Как четыре года по войне.
Как в походе, как это бывает.
Лишь врывается в шаг неожиданно вдруг,
На мгновенье ритм перебивая,
Дерева сухой трескучий стук.

Словно кто-то сваливал поленья
В кучу с ходу, прямо через борт.
Это к мавзолею на ступени
Падали штандарты вражьих орд.
Это шли солдаты шагом, шагом, —
Ряд за рядом, тысяча рядов.
И бросали стяги, стяги, стяги
Армий, эскадрилий и флотов.
С той минуты по земному шару
Не стихает, помнится, гремит,
Как идут солдаты шагом, шагом,
Как летят штандарты на гранит.

НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

На сцене в пионерском хоре
Поют бесстрашно пацаны
Стальные песни из истории
Отечественной войны.
На сцене, голосами ломаными,
Под медь трубы и барабан,
Поют «Вставай, страна огромная» —
Гимн всех солдат и партизан.
А в зале словно бы в печали —
И седина, и ордена —
Сидят родители в молчаньи,
Как вставшая на бой страна.
На этом пионерском сборе
Они почувствовали вдруг,
Что стали эпосом, историей,
Что времени замкнулся круг.
Что где-то снова рядом с ними
Дружки, погибшие в бою,
А барабан гремит во имя,
А голоса зовут, поют.
Как будто не мальчишки юные
Под красным знаменем, а полк,
И поступь у него чугунная —
Здесь, в школе, встал и вдаль пошел.

Застыли в тихом зале матери,
У глаз расширенных платки:
На бой смертельный с неприятелем
Уходят милые сынки.
Уходят вдаль и не вернутся,
Уходят в пламя, дождь и снег,
А матери все остаются
Из года в год, из века в век.
Смешались времена и даты,
Глядит в глаза отцов война.
Из века в век идут солдаты,
А родина на всех одна.
На всех — на тех седых в молчаньи,
На всех — на тоненьких юнцов,
Что, словно бы однополчане,
Поют на сцене песнь отцов.

* * *

Не на западе — на востоке
(Запад стар и все знает сам)
Вновь по свету ходят пророки,
Свет внимает их голосам.
Ах, пророки годов высоких!
От костров гражданской войны
Ваших гневных воззваний строки
Алой кровью обагрены.
Убивали вас ночью белой
В темноте кулацкой рукой,
А гармоника где-то пела
Ваши песенки за рекой.
Поднимались вы из окопов,
Чтоб под пулей немецкой лечь,
Но не может забыть Европа
Ваших гимнов походных речь.
Вновь выстраиваются в строки
Вера, Правда, Верность, Любовь, —
Поднимают слова пророки
И несут их на люди вновь.
Не в библейских белых хитонах —
В гимнастерках, и в пиджаках,
Непременные микрофоны,
Словно посохи, в кулаках.

И, совсем как во время оно,
Как две тысячи лет назад,
Словно трубы Иерихона
Репродукторы их гремят.

* * *

Меня страшат аэродромы,
Когда в ненастные часы
Вдруг станет шар земной огромным
За краем взлетной полосы.
Дюраля мир и плексигласа,
Мир современных скоростей
Дряхлеет вдруг мгновенно, разом
И слухов ждет, как ждут вестей.
Становятся горами горы,
Моря — морями, лесом — лес
Под грозным заревом просторов
Пустых эпических небес.
Ангары, башни и экраны,
И фюзеляжи в серебре,
Как свалка крашенных жестянок
За городом на пустыре.
И у буфетной стойки длинной
Под скучный музыкальный гром
Сжимают в кулаках мужчины
Безмолвно стопки с коньяком.
Как хрупок все еще бетонный,
Стальной и электронный свет
Пред тем, живым, одушевленным,
Бушующим мильоны лет.

Одно неверное движенье —
И брызнет тонкое стекло,
И вот уж снегом с тихой ленью
Его случайно замело. . .

* * *

Ракетами, как луг ракетами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные,
«Земля — зенит», «земля — земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли,
Луга, леса, поля зеленые,
И глуби вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

БАЛЛАДА О КОРАБЛЯХ

Мир открывали корабли, и будут вечно,
И даже от земли вдали, в просторах млечных.

Вас на свете главнее нету,
Корабельщики —
Короли,
Безымянно ушедшие в Лету,
Открыватели всей земли.
Где-то звезды сварки на стапелях
Днем и ночью ладони мнут,
Режут сталь, как хирурги скальпелем,
И пневматикой грома шьют.
Это вы, сейчас засекреченные,
Корабельщики звездных трасс,
Корабли кроите отечеству,
Те, что скоро откроют Марс.
Был Колумб, как Гагарин, славен,
Но и там ни строки о вас.
Это вы ему мачту ставили,
Паруса кроили на глаз.
Это вы «Аврору» построили,
Ту, что знает весь мир сейчас.
Вы не боги и не герои,
Не цари, вы — рабочий класс.
Грудь свою подставляя молоту,

Вы клепали ее броню
Так, что искры взлетали золотом
К загорающемуся дню.

* * *

Корабельщики. Сталь. Лекала.
Стапель ставили, ну и ну!
А один с прищуром лукавым
Примерял под корабль страну.
Рыжий, пламенный, ясноглазый,
Примерял от трюмов до мачт,
От трущоб глухих непролазных
До на взморье мраморных дач.
А Россия качалась тяжко,
Поднимая к небу борта.
И гудели дали протяжно,
И летела над ним высота.
И глядел он в нее, глядел он,
Улыбаясь глядел слегка.
Глаз прищуренный брал прицелом
Государства, троны, века. . .

* * *

Крейсер шел в столицу империи,
Занесенный над ней, как нож.
Шел — глубины Невы промерены.
Шел — по стали струился дождь.
Город царственный, грозный, каменный.
А Нева, словно щель, узка:

Плиты сдвинет — и хрустнет замертво
Сталь, как льдинка, на два куска.
Крейсер шел, расчехлив орудия,
Погасив огни на борту.
Комендоры его, как судьи,
Молча вглядывались в темноту.
Там, у крепости против Зимнего,
В фонаре стекло опустив,
Спичку к лампочке керосиновой
Подносили, зажав в горсти.
Спичка. В лампе фитиль. И с палубы
Грянет к Зимнему сноп огня,
И посыплются стекла, жалобой
На вошенный паркет звеня.
Будут мерой иной измерены
Старый Запад, новый Восток...
Крейсер шел в столицу империи,
Как заря приходит в свой срок.

* * *

Шхуна «Гранма» — «Авроры» искорка,
Залетевшая за моря,
Я люблю тебя так же искренне,
Ты ведь тоже Земли заря.
Продолжается революция.
Кровь красна на белом песке.
Молча мальчики остаются
В прибрежном лежать леске.
Но уходят в горы, как в небо,
Ввысь оставшиеся в живых.
В целом мире вернее не было
Восхожденья этого их.

Вот идут они вверх по осыпи,
За уступом берут уступ,
Поднимают Кубу под звезды,
Зажигают ее, как звезду.
Открывают ее, как Америку
Открывал Колумб для Земли. . .
И качается «Гранма» у берега,
Как великие все корабли.

* * *

Мир меняется, вместе с миром
Изменяются корабли.
Я не знаю, каким же был он,
Знаю, был он — Корабль Земли.
Снаряжало его отечество,
Протирало его огнем,
Примеряло не к веку — к вечности,
Проверяя свой век на нем.
Век громовый,
Наш век двадцатый,
Век, увенчанный не венком,
А багровым,
Белым, впечатанным
В солнце ядерное грибом.

.
Травы на космодроме завязывались,
Шел автобус по лужам синим,
Пахло вербами, глиной, праздником
На окраине степной России.
А кораблик качался хрупкий,
Как буюк в океане атомном.
Парень влез в него, как в скорлупку,

Улыбнулся веку двадцатому.
И взревели, ударив, дюзы,
И земля покачнулась странно. . .
И в одно мгновение узнана,
Видно очень уж долгожданная,
Ввысь над веком во всей красе его —
Лживой, честной, малой, великой, —
Страх, и мглу, и тоску рассеивая,
Человека взошла улыбка.
Жарче черного смерти лика,
Ярче белого взрыва атомного —
Человеческая улыбка,
Вся надежда века двадцатого.

* * *

Ах, Земля, голубая, рыжая,
Вся в шпангоутах меридианов.
Сад роскошный. Пустыня выжженная.
Улей с медом. Плаха багряная.
Проливные твои веселья,
Вековые твои пожары.
И на Млечном Пути метельном
Льдисто вздрагивающие Стожары.
Через тысячу лет отыщут
Наши старые корабли,
Как челны, на которых вышли
Мы с Земли за предел Земли.
Что там будет с тобой? Не знаю.
Словно солнечный парус, Земля
Будет так же лететь, сквозная,
С человечеством у руля.

Через тысячу лет качнутся,
Ахнут, ворот одежд рванут.
Воздух времени революций,
Как озон, захмелев, хлебнут.
Над Землею живым реликтом,
Не померкшая, словно свет,
Потрясенно взойдет улыбка
Века нашего, наших лет.

* * *

Белый аист на рисовом поле зеленом,
Ветка пальмы у синего моря — Вьетнам.
Он стремится паруса разноцветные джонок
И баньяны несет к золотым небесам.
На плече с коромыслом по красным дорогам
Он бежит, от зари до зари хлопча,
Маячки зажигает у тихих порогов
Под бамбуковой кровлей, как порт по ночам.
Я таким его помню до пляжей Халонга,
Я таким его видел, приехав к друзьям,
Но грохочет над миром ударами гонга
И разносится новой тревогой Вьетнам.
Он — как фронт, на котором меня еще нету,
Обливается кровью, но верит и ждет.
Через всю озаренную гневом планету
Издаёка бессмертная помощь идет
С той войны, с тех фронтов,
На которых под Гжатском
В сорок первом мои умирают войска, —
Там солдатам приказано встать и собраться
В пять минут. И дорога опять далека.
С тех фронтов в сорок пятом,
В предполье Берлина, с марша
Танкам скомандован там поворот.

Там, над картой склоняясь, молоденький
маршал

Не убитый забытую песню поет.
Ту, что пели еще на испанской солдаты
В первой интербригаде, сквозь пламя и дым.
Во Вьетнаме, в Ханое, как было когда-то,
Небо Гвадалахары грохочет над ним.
Снова в небе чужие железные крылья,
Но под небом Ханоя навстречу чужим
Он поднимет сегодня свои эскадрильи
И расчистит дорогу ракетам своим.
Повторяется. Но не должно повториться.
Не падет, как Мадрид, ни Ханой, ни Вьетнам.
Обрывает он песню, к штурвалу садится
И спешит через годы на помощь друзьям
Не убиты упавшие в битвах с врагами,
И сгоревшие в танках навечно в строю
Все гвардейцы мои, те, что были друзьями,
И мои полководцы. Я с ними встаю.
Я, желающий мира и счастья для сына,
Не привыкший друзей предавать никогда.
За спиной у меня словно горы плотины,
Космодромы в лесах и в огнях города.

* * *

Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные,
Завидую впервые я сейчас.
Вам предстоит увидеть горы лунные,
Открыть Венеру и ступить на Марс.
К чему скрывать, на ваше поколение
Смотрели мы порою свысока.
Но вышло — во вселенную вселение
Вам начинать от мира сотворения
Впервые предстоит, и на века.
Дорога, на которую вы ступите,
Сама есть цель — нет у нее конца.
На ней вы возмужаете, полюбите
И вечностью проверите сердца.
Никто не может вам сказать заранее,
Как нам никто не мог сказать с вершин
Какие предстоят вам испытания
На ней, какой свой Зимний, свой Берлин.
С нее вы не сойдете, как в истории
И не сходил доньше человек
С дорог земли тяжелых, им проторенных.
А звезды дарит вам двадцатый век.
И может быть, с небес, как небожители,
Святые и земные до конца,
Вы спуститесь к иным планетным жителям

И им свои раскроете сердца,
В которых пламя крови штурма Зимнего
И нежность всех садов, что вам цвели.
Вы юные, вы добрые, вы сильные
Сыны Земли и дочери Земли.

СОДЕРЖАНИЕ

«Дни стали вдруг похожи на пластинки...» . . .	5
«Куда уходят годы?..»	6
«Я стану облаком, зарей...»	7
Песня о мамонте	8
Птица Сирип	11
«А кто такой Бартоломей Диас?..»	12
«Начало лета...»	14
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	16
«Давно всему известно свету...»	17
Сольвейг	18
«У ракетной переправы...»	20
«Я снова вспомнил почему-то...»	22
«Уходит женщина...»	24
«Смеялась женщина, смеялась...»	25
Глаза	26
В автобусе	28
В Западной Европе	30
«В огне холодном, плещущем до крыш...»	33
Встреча в Париже	34
Два монолога	37
Взгляд в историю	40
Мост через Бен Хаи	41
На юбилее Токтогула	43

«Весна, а что она такое?..»	45
«Девочки веселые, бедовые..»	46
Разговор с мадонной	47
Ода дураку	50
Одному знакомому	52
Ключ	54
Мосты разводятся	56
Белые ночи	58
«Это было все-таки со мной..»	60
В Бресте	62
Мой лейтенант	64
«Я на войне писал стихи украдкой..»	67
«Через двадцать лет по всей державе..»	69
«Мы для костров рубили топором..»	70
«Для тех, кому сегодня девятнадцать..»	71
«Не считал я закаты..»	73
Рассказ солдата	75
Солдатский марш	78
На пионерском сборе	80
«Не на западе — на востоке..»	82
«Меня страшат аэродромы..»	84
«Ракетами, как луг ракетами..»	86
Баллада о кораблях	88
«Белый аист на рисовом поле зеленом..»	94
«Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные..»	96

Орлов

Сергей Сергеевич

ДНИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1966, 100 стр. Тем. план вып. 1966 г.
№ 198

Редактор Ф. Г. Кацас
Художник Л. Д. Авидон
Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор З. Г. Игнатова
Корректор Ф. Н. Аврунина

*

Сдано в набор 15/IV 1966 г. Под-
писано в печать 17/VIII 1966 г.
М 51037. Бумага $70 \times 108^{1/32}$ кама мел.
Печ. л. $3^{1/8}$ (4,38). Уч.-изд. л. 2,69
Тираж 20 000 экз. Заказ № 875.
Цена 18 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отд. Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома Комитета по пе-
чати при Совете Министров СССР
Красная ул., 1/3

